

А. П. Марков¹

ЭПОХА ПОСТМОДЕРНА: ПРОЕКТ КУЛЬТУРНОЙ РЕГРЕССИИ

1. «Распалась связь времен»

Современная цивилизация в ее духовной, технологической и геополитической ипостаси приближается к опасной границе, переход которой чреват фундамен-

¹ Профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, доктор культурологии, доктор педагогических наук, заслуженный деятель науки РФ. Автор более 170 публикаций, в т. ч.: «Отечественная культура как предмет культурологии», «Духовный опыт России как ресурс национально-культурной идентичности (аксиологические и антропологические аспекты)», «Проектирование маркетинговых коммуникаций: Рекламные технологии. Связи с общественностью. Спонсорская деятельность», «Становление культурологической парадигмы», «Культуроцентристская модель высшего образования» (в соавт.), «Национальная идея как смысл и судьба „русской цивилизации“», «Эпоха информационных войн и проблемы обеспечения духовной безопасности общества» (в соавт.), «Русская цивилизация в глобальном мире: вызовы, угрозы, ресурсы преобразования», «Со-

тальными изменениями и необратимой деформацией культурно-антропологических матриц бытия, сформированных эпохой осевого времени (К. Ясперс) — эпохой, которая совершает метафизическую революцию, избавляя человека от «оков рода» и предоставляя ему свободу обретения смысла бытия в сфере духа. О неизбежности смены цивилизационной парадигмы свидетельствует стремительное нарастание глобальных кризисов геополитического, культурно-антропологического и экологического характера, которые ставят под сомнение модель прогресса, реализованную на предыдущем этапе техногенного развития. Национально-трудовые отношения в постсоветской России. Национально-культурная специфика, проблемы формирования, ресурсы и стратегии оптимизации» (в соавт.) и др. Почетный профессор СПбГУП.

тия (В. Степин)¹. Переход к новому типу цивилизационного развития связан с грядущим «демонтижом» капитализма в результате четвертой промышленной революции, которая формирует принципиально иной технологический уклад, основанный на экспансии искусственного интеллекта, тотальной автоматизации, компьютеризации и роботизации производства. Неопределенность сценариев будущего усиливает приближение технологической сингулярности — точки на кривой исторического времени, фиксирующей начало «взрывного» этапа прогресса, стремящегося к бесконечности, рождающего потенциально широкий спектр моделей развития с непредсказуемыми последствиями. Неизбежность перехода цивилизации в качественно иное состояние, образы которого все чаще обретают эсхатологическую окраску конца истории, «гарантируют» расширяющаяся пропасть между силой и мудростью (А. Назаретян) и усиливающаяся «асимметрия вооружений» добра и зла (А. Кураев), обеспечивающая злу неоспоримые преимущества в борьбе за умы и души человеческие.

2. Энтропия европейского гуманизма

Локомотивом движения к границам кризиса выступает западный мир, уже не первое десятилетие переживающий системную деформацию культурных институтов и мировоззренческих констант, в свое время обеспечивших целостность и достижения европейской цивилизации. Запад переживает эсхатологический час *X*, фиксирующий «смену знака» культурной доминанты. Дух европейской культуры истошает девальвация христианских ценностей, определяющих смыслообразующие доминанты и нормативное пространство жизнедеятельности человека и общества на протяжении почти двух тысячелетий. Общая логика происходящих изменений: закат логоцентричной «культуры Пророков», вытесняемой культурно-антропологическими сценариями далекого языческого прошлого — «эры Жрецов» (Г. Джемаль). Современная европейская цивилизация вступает в новый этап — эпоху постмодерна, которая по ключевым характеристикам отвергает предыдущие эпохи и представляет собой модель культурной регрессии.

Об исчерпанности проекта модерн свидетельствует прежде всего кризис европейского гуманизма, искаженного непреодолимой волей к мировому господству, пораженного «ржавчиной» агрессии и глубоко встроенной в ментальные матрицы расистской моделью отношения к другим народам и культурам. Гуманизм является продуктом западного католического мира, который осуществляет корректировку христианской антропологии: он появляется в результате утверждения принципа «человек есть мера всего», чрезмерной озабоченности устройением реальной, земной жизни². Не случайно уже на ранних этапах обретения

культурной легитимности гуманизм обнаруживает тенденцию к девальвации христианских ценностей добра и благодарности, солидарности, милосердия и сострадания, вытесняемых мифистофельской гордыней и репрессивными энергиями отношения к миру. Европа многократно сбрасывала гуманистический и демократический камуфляж, являя себя миру жестоким и беспощадным агрессором (особенно в период Крестовых походов и двух мировых войн XX в.). Европейские гуманитарии неоднократно отмечали хроническое презрение Запада к нецивилизованному миру, низшим расам и правам других народов, фиксировали «превосходящую способность убивать», которая нередко играла решающую роль в ходе европейской экспансии (Й. Терборн). Даже во времена Средневековья западное христианство представляло собой апологию агрессии и насилия, которое обрело институциональный статус в виде многочисленных военно-монашеских орденов, оправдывало брендом Крестовых походов откровенный милитаризм и ненависть к народам, исповедующим не только ислам, но и христианство³. Окончательно гуманизм дискредитировал себя античеловеческим духом и зверствами мировых войн прошлого столетия, а также сегодняшней геополитической стратегией беззащитного диктата воли другим странам и народам. Пораженное метастазами архаического этоса с его психологией расового презрения к «варварскому окружению» западное общество и сегодня с готовностью принимает установку либеральных кумиров «золотого миллиарда» подчинять, закабалить и властвовать «миром варварства», населенным «недочеловеками» (А. Панарин). Об этом свидетельствует расширение социальной базы сторонников социал-дарвинистских и неонацистских идей, грозящее очередной волной экспансии насилия, способной сделать XXI век еще более кровавым, чем век XX.

Значимыми симптомами заката европейского гуманизма являются истощение и девальвация смыслового ядра основных концептов, лежащих в основе образа человека и мира. В современном информационно-коммуникативном пространстве европейский гуманизм представлен набором пустых слов, потерявших связь с первичными смыслами и манипулятивно скрывающих фальшь и двойные стандарты современной политической и культурной жизни. Примитивные манихейские противопоставления торжествующего победу либерализма (демократия—тоталитаризм, традиционализм—современность, деспотизм—права человека, открытое—закрытое общество, национализм—глобализм) становятся источником расовой ненависти и презрения к культурам и народам, олицетворяющим «гражданскую неполноценность» и «низшее начало» (А. Панарин).

зультате такого раскола образ Священной Римской империи (провозглашенной в 962 г.) обретает на базе католичества свою духовную определенность и становится первичным символом всей западной цивилизации.

³ Негативное отношение Запада к православной Византии было характерно не только для церковных иерархов — его разделяла и европейская гуманитарная элита. Об этом свидетельствуют оценки Византийской цивилизации как «сбившей с толку ум человеческий» (И. Г. Гердер), имеющей «извращенную и греховную природу» (А. Тойнби).

¹ В соответствии с первичным смыслом греческого слова *ἡ κρίσις* означает «суд», «приговор», а в более мягкой версии фиксирует границу, водораздел, исход, поворотную точку, смену вектора развития.

² Источником будущей инверсии европейского гуманизма можно считать разделение церковью на восточную и западную, разрывившее «материнское» единство христианского мира. В ре-

В облике моральной разнуданности и в стихии потребительства завершает свой «триумфальный путь» фундаментальный для христианского мира феномен свободы, подлинный смысл которой Запад променял на гедонистический экстаз и псевдосвободу потребительства на площадке супермаркета. Эрозия целостности культурной системы превращает свободу в свою противоположность, становится почвой для массового инфицирования социально-психическими энергиями агрессии и девиации, ввергает общество в полосу конфликтов и катастроф. Либеральными трибунами и кумирами массовой культуры заболтаны ее святыне заповеди и сокровенные тайны, необходимые для оправдания смысла жизни, реализации потенциалов личности и утверждения ее достоинства. Если в христианской антропологии свобода была средством постижения истины, условием освобождения от рабства греха, от «отравляющего и бессмысленного существования» (И. Попович), то в культуре постмодерна свобода регрессирует до бесстыдства и «креативного» издевательства над всем святым, оборачивается оргиями распущенности и разложения или проваливается «в ад исчерпанных желаний» (Г. Померанц). В состоянии упадка современное западное искусство сознательно игнорирует эстетические принципы истины, гармонии и добра и откровенно переходит на сторону сил хаоса и нравственной деградации, превращаясь в разновидность поп-культуры, утратившей национальные корни и ориентированной на удовольствия и развлечения.

3. Истоки и факторы духовной инверсии западной цивилизации

Духовными «кирпичиками» модели западной цивилизации становится освобожденная от этического идеала Нагорной проповеди идеология европейского сверхчеловека, с ее бытовым расизмом и «просвещенческим» презрением к другим народам и культурам, «имперская одномерность» (А. Панарин), утверждающая институциональное совершенство земного порядка в ущерб христианской духовности. Начиная с эпохи Возрождения европейская цивилизация последовательно и неизбежно уничтожает христианский дух, вытесняя его фаустовской энергетикой индивидуализма и рационализма, утилитарной целеустремленности и пространственной экспансии — энергетикой, откровенно пренебрегающей нравственными и религиозными нормами. «Разорванная культура Ренессанса», абсолютизирующая «изолированного субъекта», постепенно деформирует целостное пространство культуры Средневековья (П. Флоренский). Рационализм Нового времени еще больше «усиливает антагонизм разума и жизни» (Г. Зиммель), разрушая в итоге метафизические основания бытия, расширяя царство хаоса и подрывая творческие силы народов Европейского континента.

Целенаправленная деформация христианской сущности европейской цивилизации связана с реализацией глобального проекта — капитализма, возникновение которого трудно объяснить и оправдать естественной логикой развития внутри христианской системы ценностей. По сути, капиталистический проект стал ката-

лизатором процесса формирования хищного исторического субъекта новоевропейского Запада, «который оказался чужим по отношению не только к неевропейским цивилизациям, но и к самой европейской культуре» (А. Фурсов). Свобода внутри капиталистического тела породила институт частной собственности, который стал источником отвратительных форм эксплуатации. Капиталистическая модель девальвировала духовный смысл свободы, превратив ее в свободу эксплуатации и максимизации прибыли любой ценой, сделав свободу совести свободой от совести. Диктатура частного интереса по отношению к общему благу атомизировала общество, уничтожив идею и ценность общественного служения.

Инверсию духовных оснований европейской культуры завершает антихристианский дух модерна, который стал своеобразной ширмой, где под вывеской секуляризма светская интеллектуальная элита реализует новый религиозный проект формирования глобальной контрсистемы, позиционирующей себя как «антипод к традиционной клерикальной иерархии» (В. Багдасарян). Отречение от христианства, кичливость прогрессом и погоня за материальным благополучием с неизбежностью заводят западную цивилизацию в тупик, ввергают ее во времена «нового варварства», убивающего способность видеть и ценить духовную глубину, ожесточающего и совершающего «непоправимое опустошение» в душах и необратимую деградацию человеческой сущности (С. Франк).

Острая фаза коррозии духовного ядра европейской цивилизации приходится на вторую половину XX века, ознаменованную завершением проекта *модерна* и переходом западной цивилизации в стадию *постмодерна*, который сопровождается кардинальной сменой антропологических матриц европейского мира. Постмодерн существенно деформировал основания цивилизационной и конфессиональной идентичности европейского мира, подвел черту под прометеевским типом цивилизации, рожденной творческой мыслью и энергией общественного производства. Доведенный до предела антропоцентризм и «гнетущее иго» толерантности и евромультикультурализма (В. Расторгуев) лишают европейский мир энергии духовного единения, дефицит которого компенсируют ультранационалистические настроения, этнорасовые идентичности и рецидивы этнического национализма. В своем стремительном погружении в хаос аномии и девиации западноевропейская цивилизация возвращается к временам, предшествующим осевому времени, когда языческий мир оказался на грани самоуничтожения, утратив способность культурными нормами и традицией удерживать деструктивные импульсы, идущие из глубин человеческой экзистенции.

4. Роковой час сумерек Запада

Стрелка часов мировой истории еще в конце XIX века фиксировала процесс умирания великой европейской культуры, историю которой завершает торжествующая цивилизация, бездушная и безбожная (О. Шпенглер). К середине XX века, после ужасов двух мировых войн, проект модерн был окончательно исчерпан

и эпоха европейской цивилизации ушла со сцены мировой истории.

Постмодерн представляет собой заключительную стадию культурного развития — омертвление и угасание духа, истощение творческого импульса «культуры воли», который в свое время определил стремление Запада к мировому могуществу и обеспечил экспансию рациональной мысли, сотворившей величественное здание науки и самую конкурентоспособную в мире экономику. Духовный надлом европейской цивилизации свидетельствует о завершенности, исчерпанности ее замысла, умирании ее души — того «первосимвола», который вдохновляет культуру, определяя все богатство ее смыслов, форм, достижений (О. Шпенглер). Истощение фаустовского духа европейской «культуры воли» сопровождается хаосом и аномией, дисфункцией социальных институтов и деформацией этических норм, сменой способов восприятия мира и смыслообразующих сценариев. Характер глобальных угроз обретают процессы дестабилизации политических и экономических институтов, системы международного права. Языческая доминанта наступающей эпохи блокирует основополагающие элементы нравственности — чувства *вины, долга, стыда, совести*, которые выступают ключевым признаком «человека культурного» и условием совместного общежития в структуре социума.

В ситуации духовного кризиса и утраты способности элиты к опережающей рефлексивной самотрансформации надежды на возвращение европейского мира в лоно христианской традиции гуманитарии связывают с притоком «внешнего духовного импульса», прежде всего со стороны православного мира (А. Панарин). Однако реалистичность такого рода духовной реабилитации минимальна. Европейская цивилизация выполнила свое историческое предназначение. Духовно истощенная «вирусами» религиозных контрсистем, иссушающими душу капиталистическим образом жизни, реабилитирующим алчность как базовый ресурс выживания, бесконечными войнами и злокачественной опухолью нацизма, обезоруженная аморальной политикой сегодняшних гегемонов мира, либеральной стратегией дискредитации морали, институтов национального государства, права, семьи, душевно опустошенная тотальной ложью массмедиа, массовой культурой и деструктивной символикой современного искусства западная цивилизация утратила способность конструктивного ответа на фундаментальные вызовы времени. Инициированные либеральными идеологами сценарии спасения (в том числе концепция мультикультурализма или проект толерантности, который гуманитарии квалифицируют как прикрытие самоистребления человеческой цивилизации) парадоксальным образом приближают «час роковой, час наступающих сумерек, когда пора зажигать огни и готовиться к ночи» (Н. Бердяев).

5. Русский мир — альтернатива проекту постмодерна

Европейская цивилизация утрачивает статус референтного для народов мира «града на холме». Духовная

немоть западной цивилизации все явственнее обнаруживается в условиях растущей конкуренции новых цивилизационных проектов. В частности, ситуацию духовного кризиса Запада обостряют геополитические факторы, прежде всего растущая мощь исламского протоцивилизационного проекта, ресурсом которого являются общие универсальные религиозные ценности и нормы божественного Откровения, историческая память о великом исламском прошлом и растущий уровень «живой религиозности» (Ш. Султанов). Исчерпанность духовного замысла европейской цивилизации приближает демографическую гибель Европы, которую уже к середине века грозит похоронить многомиллионная волна беженцев. Главную угрозу для Запада в первой четверти XXI века представляет «великое переселение народов», источником которого становится так называемый молодежный пузырь на Ближнем Востоке и в Африке, растущий на фоне «старческого пузыря» в Японии и Европе, а также рост населения трудоспособного возраста в Восточной Азии и Латинской Америке (Г. Хайнзон)¹.

Альтернативой нынешней духовно опустошенной и паразитарной западной цивилизации, переживающей стадию «разлагающейся чувственности» (П. Сорокин), становится Русский мир, образ которого несет надежду не адаптированным к модерну странам-изгоям и народам четвертого мира, отмеченным «печатью презрительного избранничества» (А. Панарин). Особая цивилизационная миссия России, корни которой уходят в глубины народного этоса и ментальности, состоит в защите человеческого рода от разрушительного влияния глобальных антисистем. Именно русская цивилизация аккумулирует богатейший опыт практического противостояния антисистемным проектам, угрожавшим не только России, но и европейской цивилизации в целом (наполеоновские войны, Третий рейх и т. д.)². На фоне европейских «сумерек» русская культура способна компенсировать утрату духовного измерения бытия стремлением человеческого духа к вечным истинам и ценностям — к тому, что выше человека, что оправдывает его лишения и определяет жизненные смыслы.

Но эта жизнеутверждающая роль русской цивилизации предполагает фундаментальную корректировку идеологии капиталистического тоталитаризма, требует радикальной замены духовных кумиров последних десятилетий, очищения национального духа от корост и язв либерального расизма, объявившего войну бедным и неуспешным, возвращения и сохранения глубинного смысла и души православного царства: быть опорой и покровителем слабых. Как только власть изменяет этому духовному призванию, Святая Русь уходит в подполье и замолкает, а на смену ей приходит держава, которая своим отречением и имперской гор-

¹ В контексте этих статистических тенденций все более реалистичными становятся апокалиптические прогнозы по поводу перспектив Старого Света: по результатам опросов Института Гэллага, к 2050 году почти 900 млн голодных и обездоленных из Африки и стран Ближнего Востока, без образования и перспектив, хлынут в Европу за лучшей жизнью, окончательно сменив цивилизационный код Запада.

² См.: <http://izborsk-club.ru/14417>.

дыней, подменяющей правду силой, обрекает себя на тление и гибель (А. Панарин). Именно в этом заключается основная причина сегодняшней утраты духовной легитимности власти, истощения силы тяготения как вовне, так и внутри Русского мира, вернуть которую может «живая энергия» действия русской цивилизации, обретающаяся в метафизических глубинах образа Святой Руси (В. Аверьянов).

Альтернативой разрушительного для души человеческой западного индивидуализма может стать всемирная отзывчивость и всечеловечность русских, лежащая в основе национальной идеи и определяющая направленность русской культуры на абсолютное чувство всеобщности, «на мессианскую душу» (В. Шубарт). Конструктивным и значимым для народов мира ресурсом будущего является апробированный отечественной

историей проект солидарности, альтернативный западноевропейской модели общества разъединения и перманентного конфликта. Ответом на выстраданный «заказ» мирового сообщества, уставшего от бесконечных войн и выжигающей душу ненависти, может стать духовный опыт совместного общежития различных народов и культур, славяно-тюркский синтез, являющийся многовековым «стержнем единой Евразии» (А. Панарин) и цивилизационной платформой евразийской идентичности. В масштабе евразийского пространства Русский мир с его обостренным чувством большой общечеловеческой истории, исключаящим эгоизм националистической самоизоляции, является воплощением соборности и солидарности различных этнокультурных групп и религий, практическим утверждением братства народов и сотрудничества цивилизаций.